

Д. Валуев

**Сборник исторических и статистических
сведений о России и народах ей единовѣрных
и единоплеменных**

Том 1. Часть 1-2

УДК 304
ББК 60.5
Д11

Д11 **Д. Валуев**
Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовѣрных и единоплеменных: Том 1. Часть
1-2 / Д. Валуев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 533 с.

ISBN 978-5-4241-7103-1

ISBN 978-5-4241-7103-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Предисловіе.	1
Статья первая. Въѣсто введенія. <i>А. Хомякова.</i>	1
Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе Нѣмецкихъ колонистовъ. <i>К. Кавелина.</i>	9
Города Нѣмецкіе и Славянскіе. Приложение къ предъидущей статьѣ. <i>В.</i>	54
Исторія Древняго Наслѣдственнаго права у Славянъ. <i>Иосифа Губе.</i> Переводъ съ Нѣмецкаго.	59
Объ опекахъ и наследствѣ, по Русской правдѣ. <i>А. Попова.</i> . . .	96
О земледѣліи, промышленности и вообще богатствахъ Польши въ XVI и XVII вѣкѣ.	145
Волинъ, Іомсбургъ и Винета. <i>Т. Грановскаго.</i>	145
Извлеченіе изъ письма Рабби Хислай бѣнъ Ицхакъ къ царю Хозарскому. Переводъ съ Еврейскаго. <i>К. Косовича.</i>	185
О лубочныхъ картинкахъ Русскаго народа. <i>И. М. Снегирева</i> . . .	191
Розысканія Кледена о Славянахъ въ нынѣшней (Браниборской) Бранденбургской области.	223
Славянское и Православное населеніе Австріи. Статья I. . . .	247
Историческая Наука Славянскаго міра въ послѣднее пятилѣтіе. Статья I.	259
О значеніи слова <i>Черный</i> въ Древнемъ Русскомъ языкѣ и преимущественно о черномъ Борѣ Новгородскомъ. <i>С. Соловьева.</i>	
Христіанство въ Абиссиніи. Статья I. <i>Д. В.</i>	287

ЧАСТЬ II.

Политическое Устройство и Права прибрежныхъ острововъ и Городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, Соч. <i>А. Рейца</i> , переводъ съ Нѣмецкаго.	
Статья первая. Историческое обозрѣніе и политическое устройство.	1
— Вторая. Чиновники и налоги.	24
— Третья. Сословія	60
— Четвертая. Гражданское право.	139
— Пятая. Уголовное Право.	182

теченію одного или двухъ вѣковъ, — вѣроятно, постепеннѣе, съ меньшими утратами и жертвами, но дало бы ную, можетъ быть, менѣе блестящую Исторію Россіи.

Какъ мы съ Петромъ Великимъ приняли въ себя достоянне Западнаго міра, такъ и этотъ Западный или Германскій міръ принялъ въ себя когда-то наслѣдіе древняго человѣчества. Но условія нашего положенія при такомъ займѣ были гораздо благопріятнѣе для насъ и нашего будущаго. — Мы получили Западное просвѣщеніе не какъ передаваемое намъ наслѣдство отъ другаго почившаго міра, но какъ плодъ и опытъ другой, болѣе извѣдавшей и блестящей жизни, которая намъ предложила свои уроки. — Воспользоваться этими уроками и опытами, познакомиться съ этимъ вновь для насъ открывшимся, болѣе просвѣщеннымъ, (*) міромъ, было для Россіи, безспорно, необходимою; — но воспользоваться тѣмъ или другимъ опытомъ, усвоить себѣ то или другое явленіе изъ его жизни, предоставлено было нашему выбору.

Не такъ счастливъ былъ Германецъ. Наслѣдства завоеваній покупаются своей дорогой цѣною, кромѣ той крови, которой они стоили; они приносятъ съ собою народамъ завоевателямъ (**) свои долги нравственные, если и не денежные, какъ то бываетъ съ наслѣдствами въ частномъ быту людей. Для Германца, пришедшаго на Римскую почву, свободнаго выбора не было и быть не могло. Безсознательно и по неволѣ впиталъ онъ въ себя все дурное и хорошее полуязыческаго Римскаго міра, и досель послѣ 14-ти столѣтій еще не можетъ расплатиться со всѣми своими долгами (***)

(*) Мы понимаемъ здѣсь просвѣщеніе въ томъ общемъ, неопредѣленномъ значеніи, которое обыкновенно даютъ ему. Если же понимать подъ просвѣщеніемъ не одни вещественныя улучшенія въ быту чловѣка, усовершенствованія науки, художествъ и видимое благоустройство общества, а то совокупное умственное и нравственное движеніе, которое должно соединять народы въ единство братолюбивой жизни и осуществлять въ обществѣ чистую мысль Хрістіанства, во сколько она осуществима въ чловѣкѣ; — то, во всякомъ случаѣ еще остается подъ сомнѣніемъ, кого съ большею справедливостію можно назвать просвѣщенною — Россію ли XV и XVI вѣка, или ея современную Католическую и Протестантскую Европу?

(**) Вспомнимъ при этомъ, что Россія и Норвегія единственными два Государства въ Европѣ, которыя не были основаны завоеваніемъ.

(***) Исторія религіозныхъ убѣжденій есть живъе итогъ всей Исторіи Запада; — а между тѣмъ вся жизнь и развитіе Латинскаго общества и Латинскаго церковнаго государства, которыми обнимались и создавались все общественныя отношенія средневѣковой жизни, обусловлены предшествующими данными языческаго Римскаго и Германскаго міра. Прямымъ и необходимымъ плодомъ католицизма былъ протестантизмъ со всеми его крайними современными выво-

Россія была счастливѣе: Западъ ничего не могъ пропзвольно навязать ей ни дурнаго ни хорошаго. Онъ могъ передавать намъ только то, что мы сами выбирали; ибо свободный выборъ оставался всегда за нами. — Если же въ чемъ мы дурно воспользовались имъ, то мы одни и виноваты.

Учителю же и просвѣтителю нашему мы обязаны многимъ, и не можемъ не быть благодарны ему за все, что онъ за насъ выработалъ, пережилъ и протрадалъ, и что досталось намъ даромъ, безъ труда, безъ пота и крови, — за добро и зло, истину и ложь, которыя онъ вынесъ изъ своего долгаго трудового вѣка. На Западъ впервые были подняты и пробуждены всѣ вопросы науки и жизни къ ихъ міровой дѣятельности, и во всемъ живомъ многообразіи ихъ развивавшей и ими развиваемой личности; — у Западнаго человѣка достало мужества, чтобы не остановиться ни передъ однимъ вопросомъ, и не испугаться ни одной крайности умственного или нравственного міра. И потому обвиняли его въ этихъ крайностяхъ? Онъ былъ лишь неизбѣжными спутниками его духовной отваги и страстной дѣятельности. Своими опытами жизни и даже своими заблужденіями онъ не менѣе принесъ въ общее достояніе человѣчества и служилъ ему, чѣмъ сколько служили Хрістіанству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, другіе народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ; — которое, можетъ быть, одно дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завѣта. — Но и тѣ и другіе народы одинаково необходимы въ общей экономіи человѣчества. Произнести же приговоръ міру Латинскому могутъ развѣ будущее и будущія поколѣнія самаго Запада? — но не мы, которымъ суждено воспользоваться всѣми плодами его жизни, и уроками его опытовъ, — ибо судъ нашъ, если и безпристрастный, едвали можетъ избѣгнуть обвиненій въ пристрастіи и даже неблагодарности?

Мы многому научились у Запада, но не слѣдуетъ забывать и того, что уроки учителя тогда только достигаютъ своего назначенія, когда они пробудятъ въ ученикѣ его собственныя силы, и онъ сдумаетъ основать на нихъ свою самостоятельную жизнь и сознательное мышленіе; — иначе же вся его наука безплодная трата силъ и времени, или бесполезная, если не вредная забава.

Въ мѣру тому богатству, которое мы приняли и тотъ подвигъ, который предстоитъ намъ. — Но мы должны помнить, что такое даровое богатство, ничѣмъ не купленное, развѣ утратами

изъ своей внутренней жизни,—непрочно; — что это просвѣщеніе, хотя и привитое къ намъ, не могло перейти въ кровь и соки самой жизни и передать ей своего прошедшаго, своихъ вѣрваній и надеждъ, въ которыхъ вся его сила и живое могущество. Оно привито къ намъ, но пока остается въ насъ какимъ-то междоумкомъ; — чѣмъ то совершенно чуждымъ и вѣшнимъ всему нашему остальному существованію, какимъ-то тепличнымъ растеніемъ, оторваннымъ отъ своего корня и родимой почвы, и потому лишеннымъ всѣхъ своихъ живыхъ соковъ и по видимому не обѣщающимъ никакого живаго плода.

Таково дѣйствительно наше нравственное отношеніе къ Западу; — и наше просвѣщеніе, если и должно было перейти черезъ него, то не должно и не можетъ на немъ остановиться. — Но гдѣ же псходъ къ лучшему, или по крайней мѣрѣ, болѣе зрѣлому, — и что намъ укажетъ дорогу? Развѣ не также раболѣпно мы выжидаемъ указки нашего учителя для своей каждой мысли и cadaго шага въ наукѣ, литературѣ или искусствѣ? — И не въ этомъ ли Западѣ, — первообразѣ всего высшаго и разумнаго, что только можетъ когда либо воспитать умственное и общественное развитіе чело-вѣчества? — И развѣ не такъ же простодушно убѣждены мы, (*) что другихъ путей для мысли, науки или жизни болѣе нѣтъ и быть не можетъ и не должно; и что намъ, за одно съ послѣдующими поколѣніями Запада, остается и возможно только продолжать или окончивать имъ начатое? — Но окончить свое дѣло и привести свое просвѣщеніе къ его послѣднимъ общественнымъ и умственнымъ итогамъ можетъ только самъ Западъ, довершая назначенный ему кругъ жизни. — Мы же раздѣленные съ нимъ всѣмъ нашимъ прошедшимъ и всѣмъ, что есть въ насъ своего и живаго, продолжать его дѣла не можемъ; да и Западъ въ помощникахъ и продолжателяхъ себѣ не нуждается, и мы не призванные и непрошенные дѣлатели въ дѣлѣ чужомъ, — въ немъ только лишніе! —

Давно уже за насъ рѣшила въ этомъ просвѣщенная Европа и доселѣ повторяетъ въ своихъ пасквляхъ и даже похвалахъ, которыми удостоиваетъ Россію; но вольно намъ не слушаться ея въ такомъ намъ близкомъ вопросѣ, когда мы послушные ученики ея во всемъ намъ постороннемъ.

Пора бы, казалось, намъ убѣдиться и въ томъ, что многое изъ того, что Западъ, по видимому, уже выработалъ за насъ, и намъ

(*) Мы разумемъ всѣ такъ называемые образованные классы Россіи, которые доселѣ воспитываются, — рождаются и умираютъ въ этомъ или близкомъ къ этому, если я не сознаніемъ, вѣрованіи.

передалъ готовымъ и оконченнымъ, намъ еще придется начинать съизнова, но пользуясь, разумѣется, всѣмъ богатымъ запасомъ его науки, его уроковъ и опытовъ (*). Уже время подумать и о томъ, чтобы намъ самимъ и изъ себя выработывать внутреннія начала своей нравственной и умственной жизни, принявъ на себя и всю отвѣтственность въ ней, умѣя дать въ ней отчетъ себѣ и другимъ—и связать ее съ своимъ народнымъ прошедшимъ и будущимъ;—а не довольствоваться,—въ пустотѣ своей внутренней жизни,—одними убѣжденіями, взятыми на прокатъ, вмѣстѣ съ послѣдней модой изъ Парижа, или системой изъ Германіи, — посылками безъ вывода или выводами безъ данныхъ, изъ силлогизма, прожитаго или переживаемаго другимъ міромъ. —

Таковы, кажется, безспорныя и разумныя требованія отъ насъ того нравственнаго отношенія къ Западу, въ которое поставила насъ прихотливая судьба. — Рано или поздно эти требованія осуществятся. Мы не можемъ не отвѣчать имъ и не можемъ не признать ихъ; если только напередъ не откажемъ себѣ и Русской наукѣ,—Русской жизни, мысли и слову, во всякой живой и небезплодной будущности. — Если же не предвидимъ для себя въ будущемъ ничего, кромѣ тщетной задачи связать себя со всей полнотою Западной жизни; — не имѣемъ другой надежды, кромѣ повышенья изъ учениковъ его въ его подмастерьи или работники; то заранѣе обрекаемъ себя на всегдашнюю посредственность (**), и умственное несовершенство передъ Западомъ, — который самъ же первый осудить и презрительно осмѣять всѣ наши непрошенныя жертвы и подвиги и тощіе плоды напрасно растроченной жизни. —

И потому мы должны сознавать въ себѣ и видѣть въ томъ просвѣщеніи, которое приняли отъ Запада, не выводъ изъ чужой жизни, которой дальнѣйшій силлогизмъ для насъ невозможенъ и неуловимъ, а науку, опытъ и матеріалъ для нашего будущаго, которое еще наше и насъ призываетъ на самостоятельное участіе въ міровомъ дѣлѣ человечества, въ новыхъ, можетъ быть, образахъ мысли и жизни, и новыхъ еще нетронутыхъ и свѣжпхъ силахъ. — Ибо Россія, безспорно, еще не пережила и не узнала

(*) Намъ—также какъ и всякому другому народу, который бы поставленъ былъ въ тоже отношеніе къ другому болѣе просвѣщенному міру.

(**) Само собою разумѣется, что все это можетъ относиться только къ области литературы, науки, искусства. Въ области же государства прямо подлежащей Государственной власти никто и никогда не сомнѣвался, кажется, чтобы Россія съ тѣхъ самыхъ поръ, когда вошла въ систему Государствъ Европы, уже не занимала въ кругу ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

въ самой себѣ десятой доли тѣхъ духовныхъ и вещественныхъ богатствъ, которыя заключены въ ея духъ или разсыяны на ея неизмѣримомъ пространствѣ.

Съ одной стороны, такое отношеніе Россіи къ просвѣщенному Западу, разумѣется, можетъ для многихъ быть предметомъ безплоднаго отчаянья въ себѣ и Россіи, причиной ихъ нравственнаго безсилья или предлогомъ для ихъ нравственнаго усыпленья; — но съ другой стороны, самыя невыгоды такого положенья представляются, какъ большое преимущество передъ Западомъ. — Россія не только имѣла свой свободный выборъ въ томъ, что принимала отъ его духовныхъ и вещественныхъ богатствъ, но могла и снова отрицать отъ себя тѣ явленія, которыя въ послѣдствіи находила себѣ противорѣчащими. — Свобода, или свободный выборъ, также мало исключаетъ безошибочность въ добрѣ и злѣ, какъ и слѣпая необходимость, и сверхъ того при всякомъ займѣ отъ другихъ поколѣній той всегдашней истины, (*) которую они изъ себя выработали, необходимо переносится вмѣстѣ то случайное и частное, что нераздѣльно съ ихъ жизнію. Но когда оно принимается свободнымъ и сознательнымъ выборомъ Государства, а не слѣпою необходимостью, какъ прямая прививка къ жизни; тогда есть возможность для этой жизни: отрицать со временемъ это случайное и частное.

Для Германіи и народовъ Романскихъ, которые заняли Римскую почву, и наслѣдовали древнее просвѣщенье, это отрицаніе осталось доселѣ невозможнымъ, не смотря на столько протекшихъ вѣковъ, столько перебродившихъ народныхъ стихій и столько прожитаго ими въ величій и славу; но оно возможно и предвидится для Россіи, когда она придетъ къ своей болѣе сознательной жизни въ мысли, наукѣ и литературѣ. Тогда все, что есть случайнаго и частнаго въ томъ Западномъ просвѣщеніи, которое она приняла въ себя, само собой отложится отъ ея духовной и

(*) Кромѣ, разумѣется, самой науки, открытій въ наукахъ положительныхъ и частныхъ истинъ въ другихъ наукахъ, не должно забывать и другое, хотя отрицательное, но не менѣе драгоцѣнное богатство, передаваемое каждымъ поколѣніемъ своему преемнику: — тѣхъ уроковъ и опытовъ, которые выработаны его заблужденіями. Всякая новая ложь и новое заблужденье, развивающія воюю отрицанія той или другой истины, привносятъ ей ту великую услугу, что дѣлаютъ ея проявленія зрѣлыя и воспитываютъ ее къ болѣе полнотѣ этихъ проявленій, предупреждая тѣмъ новыя возможныя возраженія или противодѣйствія ей, настоящихъ и будущихъ противниковъ. — Тогда только можетъ та или другая истина найти въ человѣкѣ свое полное проявленіе и неизбѣжно утвердиться въ общемъ сознаніи, когда изчерпанъ весь кругъ противоположныхъ ей, возможныхъ заблужденій.

умственной жизни, какъ чуждое и не принадлежащее ей, и оставить за собой одинъ очищенный матеріалъ, на развитіе ея собственныхъ свѣжихъ силъ для будущаго человѣчества.

Полтора вѣка употребила Россія на то, чтобы узнать этотъ Западъ, учиться у его просвѣщенія и пересаживать въ себя его общественныя и умственныя явленія и формы. Туда направлены были всѣ силы Государства, всѣ сочувствія общества. Жизнь, литература, искусство, на перерывъ и безъ разбора перенимали или переводили на Русскій ладъ все Западное или не Русское, дурное и хорошее, что только ни попадалось намъ подъ руку, и доселѣ еще по невольной привычкѣ иностранное названіе уже напередъ говорятъ въ насъ въ пользу самой вещи. (*) Изрѣдка

(*) Когда у насъ толкуютъ объ общемъ превосходствѣ всякаго Нѣмецкаго мастерового предъ мастеровымъ Русскимъ, о томъ, что всякій Нѣмецъ уже самъ по себѣ заслуживаетъ большее довѣріе, то забываютъ обыкновенно, — что вина въ этомъ случаѣ общая, какъ со стороны потребителей, такъ и класса производящаго, и что надо, чтобы обѣ стороны подали другъ другу руку для того, чтобы измѣнилось такое отношеніе. Не менѣе необходимо, чтобы потребители отстали отъ своихъ предрасудковъ, какъ и то, чтобы Русскіе купцы и мастера заслужили себѣ большее довѣріе. Такъ на прим: Жида тѣмъ труднѣе быть честнымъ, что если и случится ему быть такимъ, никто не вѣритъ ему, потому только, что онъ Жидъ. Но справедливо замѣчали почти все писатели о Жидахъ, даже и противные имъ, что въ этомъ характерѣ Жидовъ столько же виноваты сами Жида, — и виноваты, разумется, перше, — сколько и то Христіанское общество, которое всюду или отвергало ихъ или, допуская въ себя, обрекало на все униженія человѣческаго достоинства, и поставляло какъ парія въ всѣхъ человѣческихъ законахъ. — Одна Россія, имѣвшая передъ собой гибельный примѣръ Польши, никогда не терпѣла въ себѣ Жидовскаго населенія, и въ этомъ случаѣ поступала, разумется, съ гораздо большимъ человѣколюбіемъ, чѣмъ Государства среднихъ вѣковъ, ихъ допуская въ себя. — Надѣмся, что никто не приметъ это за сравненіе, мы указываемъ только на явленіе паралельное. — Такъ и Русскому мастерскому, тѣмъ труднѣе быть хорошимъ мастерскимъ, что никто не вѣритъ добротѣ его издѣлія, потому только что его издѣліе Русское. И поэтому онъ по неволѣ часто принужденъ идти въ батраки къ Нѣмцу, или выдавать свою работу за иностранную. Замѣтимъ, сверхъ того, что въ этомъ случаѣ классъ потребителей былъ первый виновникомъ такого отношенія и необходимо вызвалъ его своимъ исключительнымъ поклоненіемъ всему иностранному и презрѣніемъ безъ разбора ко всему Русскому, презрѣніемъ, которое безспорно господствовало во всей Россіи до самаго недавняго времени и отъ котораго недавно только стали мы отыкаться. Впрочемъ классъ потребителей былъ еще не столько виноватъ передъ классомъ производящихъ своимъ пристрастіемъ ко всему иностранному, сколько тѣмъ, что измѣнивъ внезапно все свои обычаи и привычки жизни, и вырвавъ работника изъ его привычной колеи, — онъ необходимо долженъ былъ лишить его на долгое время всякой возможности соперничать со всякимъ иностранцемъ. Поэтому классу потребителей, казалось, слѣдовало бы первому исправить свою вину и тѣмъ вызвать и классъ производящихъ на исправленіе въ себѣ тѣхъ недостатковъ, которые вызываютъ доселѣ возстановленію должнаго отношенія между обонми.

являвшееся на Руской почвѣ художественное произведеніе, художественный или литературный талант слѣдовали, разумѣется, за общимъ теченіемъ.—Таковы каменные громады Елисаветина времени, такова, за малыми исключеніями, вся наша литература XVIII вѣка, — таковъ наконецъ Жуковскій, послѣдній и даровитѣйшій представитель этой эпохи въ Литтературѣ.

Разумѣется, что наукъ Западной остается еще много дѣла у насъ, она далеко не такъ обобщена, не такъ изучаема, какъ того требовать и ожидать можно. Но мы, по крайней мѣрѣ, достигли одного утѣшительнаго и плодovitаго результата,—что въ насъ пробуждено одинакое сочувствіе и любовь ко всѣмъ явленіямъ этой науки, и ко всѣмъ явленіямъ челоуѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ доселѣ уберегли себя отъ всякой исключительности (*). И потому, если не въ массахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ десяткахъ лицъ наука стоитъ — хотя и не на той степени буквенной учености, которой требуетъ Нѣмецъ, — то на всей высотѣ ученыхъ вопросовъ и ихъ пониманья. Сочувствіе же это съ умственными вопросами другихъ народовъ осталось доселѣ недоступно Франціи и Англій, не говоря уже о какой нибудь отжившей Италіи, или еще не дожившемъ до науки Испанцѣ. Франція и Англія доселѣ остаются во всей тѣсной ограниченности своего историческаго и ученаго прошедшаго, и не только не могутъ понимать умственныхъ работъ и умственнаго движенія Германіи, но даже воспользоваться (въ той степени, какъ слѣдовало бы ожидать) филологическими и историческими трудами Нѣмцевъ (**). Впрочемъ и Германія, не смотря на всю многообъемлемость и отрѣшенность ея умственной и ученой жизни, не можетъ доселѣ вполне освободиться отъ извѣстной исключительности, которую налагаетъ на нее общее прошедшее

(*) Убережемъ ли себя и на будущее время, это сомнительно? — во всякомъ случаѣ, что съ этой стороны, больше потеряемъ, чѣмъ выиграемъ, съ большимъ развитіемъ въ насъ народнаго начала.

(**) Въ справедливости такого обвиненія вѣрнѣе не согласиться, когда до сихъ поръ ни одна школа Нѣмецкой Философіи не нашла въ обихъ земляхъ ни одного послѣдователя, не только дѣльнаго противника, и даже Кузенъ, первая современная философская знаменитость Франціи, теперь уже потерялъ въ самой Франціи всякій философскій авторитетъ, а Дюгальдъ Стюартъ ни аза не повялъ въ Кантъ. Между тѣмъ въ обихъ земляхъ публичность дошла уже до того, что каждый спѣшитъ на общую выставку со всякимъ полузглядомъ или полумыслію, которая представляетъ въ себѣ хоть тѣнь чего-то новаго и, кажется, вѣрнѣе отказать Франціи и Англій въ ученомъ и умственномъ движеніи. — Впрочемъ, съ другой стороны, Германія также мало можетъ набѣжать обвиненія въ совершенномъ равнодушіи къ религіознымъ вопросамъ Англій и въ непониманьи

и тѣсное родство со всѣмъ Западнымъ міромъ. Но за то положеніе Русскаго (которымъ, разумѣется, онъ еще не умѣлъ воспользоваться) передъ всякимъ историческимъ вопросомъ, можетъ быть, самое выгодное, какое есть въ просвѣщенномъ мірѣ; ибо онъ можетъ разсматривать всякое общественное явленіе или народную личность Запада, какъ нѣчто ему совершенно внѣшнее, — какъ естественный испытатель разсматриваетъ явленія всѣхъ вещей природы.

Нечего насъ обвинять, что мы до сихъ поръ ничего или почти ничего не прибавили къ наукѣ Западной; досель мы не могли и даже, можетъ быть, не должны были ей ничего принести отъ себя; ибо мы были еще только учениками ея, и не выходили изъ ея умственной опеки. — Мы могли бы только прибавить къ массѣ матеріаловъ, которая ежегодно накопляется Германія для будущей науки, или нѣсколько ученыхъ именъ къ несмѣтному числу ея почтенныхъ труженниковъ, постоянно занятыхъ раскладываніемъ въ старыхъ рамкахъ, но на новый ладъ, всякихъ различныхъ цитатъ и многоученыхъ авторитетовъ (*).

ихъ. — Но это равнодушіе объясняется тѣмъ, что Нѣмецъ въ своей раціональной гордости, не хочетъ даже связойти до ихъ историческаго значенія. Вообще для Германіи закрыты всѣ религіозные вопросы въ ихъ значеніи какъ исторической науки; ибо для Нѣмца протестанта существуютъ только двѣ точки отправленія: индеферентная или раціональная, изъ которыхъ та и другая одинаково лишены всякой исторической основы, и прилагаютъ къ историческимъ явленіямъ Церкви иррело совершенно чуждое и неприложимое къ ея явленіямъ. Сверхъ того Германія, связанная воспоминавіями католическими, до сихъ поръ не знаетъ и не хочетъ ничего знать обо всемъ иррело-католическомъ мірѣ. — Положеніе Католика, также мало выгодно, какъ и положеніе протестанта при всякомъ историческомъ занятіи, которое касается въ объемъ, нѣсколько широкое, вопросовъ религіозныхъ, а между тѣмъ борьба религіозныхъ ирреловъ окончательный итогъ всей Исторіи Запады. — Католикъ принужденъ на каждомъ шагѣ оправдывать то, что не выходитъ въ себя никакого оправданія, или прилагать къ историческимъ явленіямъ готовый судъ Церкви, который она уже произнесла надъ каждымъ изъ нихъ, словомъ или дѣломъ; ибо не было на Запады ни одного великаго общественнаго явленія, въ которомъ бы не участвовала и сама Церковь. — Не разорванный какъ протестантъ съ исторической основой, онъ не можетъ однакоже воспользоваться выгодой своего положенія, ибо находится съ ней или въ постоянномъ раздорѣ и тогда выбираетъ среднюю дорогу взаимныхъ уступокъ и соглашеній между двумя противорѣчіями, или, рабски повинаясь всѣмъ требованіямъ своего положенія, можетъ прибавить новые фоліанты къ огромнымъ и почтеннымъ трудамъ Бенедиктинцевъ, Іезуптовъ и др., важнымъ какъ матеріалъ, но ничего не прибавить къ самой наукѣ.

(*) Мы говоримъ, разумѣется, не объ людяхъ, каковы Нибуръ, Гриммъ, Шлоссеръ, Лео, Риттеръ и др. но преимущественно о послѣднемъ десятилѣтіи и объ массѣ ежегодной Нѣмецкой ученой производительности; нельзя не удивляться ея обилію, и огромности предпринимаемыхъ трудовъ, и въ тоже время ихъ относительной бесплодности и скудости живыхъ и новыхъ результатовъ для науки.

Пока еще не наставало свое сознательное мышление, не просыпались иные силы и требованія и мысль своя, живая и самобытная, не нуждающаяся болѣе въ рамкахъ учителя и тетрадкахъ для памяти, не лучше ли было съ смиреніемъ продолжать свое ученіе? набираться дальнѣйшихъ уроковъ чужаго опыта и плодовъ чужаго труда? — Мы такъ и дѣлали. — Когда же, — свѣжія силы новопрішедшаго въ Исторію народа, и всѣ глубокіе тайники его внутренняго, еще несознаннаго духа, скрытая мысль и поэзія его быта и не даромъ прожитаго имъ прошедшаго, — разъ отзовутся въ его мыслящихъ представителяхъ, знакомыхъ съ просвѣщеніемъ прочаго міра, — тогда всякій добросовѣстный трудъ, въ области науки, принесетъ ей въ дань не букву и не мертвый наборъ фактовъ, а свое живое слово и свѣжую силу, которая дастъ ей новое движеніе, и оплодотворитъ ее почву, гдѣ она оскудѣла.

Съ пробужденіемъ такой жизни болѣе зрѣлой и самобытной (*) въ мысли и наукъ нечего однакожъ бояться за Западное направленіе и за Западную науку. Столбовой дорожъ, пробитой Петромъ, не зарости травою, и дѣлу его не заглохнуть, — въ дѣятеляхъ и ревнителяхъ на прежнемъ поприщѣ недостатка не будетъ. Западное просвѣщеніе не можетъ не увлекать насъ и не быть для насъ болѣе, чѣмъ соблазнительнымъ. — Давать себѣ отвѣтъ и удовлетвореніе на всѣ потребности души и мысли въ готовыхъ результатахъ чужой жизни, ничего не требуя отъ себя и обходясь безъ своего труда и внутренней работы надъ собою, такъ соблазнительно для нашей Русской лѣнивой природы, — что тяжело и трудно ей проснуться для иныхъ требованій и даже мудро требовать отъ нея такого усилія надъ собою.

Если же обратимся къ Западу и забудемъ на время Россію, — нѣтъ того вопроса, котораго бы онъ не разрѣшилъ намъ, нѣтъ той потребности души, на которую бы не отвѣтилъ, и даже въ тѣхъ вопросахъ, на которые еще самъ не нашелъ для себя отвѣта. Ибо, что бы мы ни дѣлали, какіе бы ни были наши подвиги похвальнаго самозабвенья, все же мы останемся въ его дѣлѣ не болѣе, какъ *диллетантами*! А потому для тѣхъ изъ насъ, которые обрекли себя на жалкую роль такого диллетантства, ни потребности Западной жизни не могутъ быть такъ искренни и глубоки, ни вопросы ея такъ неумолимо строги, какъ для тѣхъ, для коихъ эти требованія, — вся ихъ обнимаю-

(*) Мы не говоримъ, чтобы она уже пробудилась, но только указываемъ на необходимость этого пробужденія и на некоторые признаки такой болѣе самобытной уже начинающейся жизни.